

проводиться на разных уровнях языка. Мотивологический уровень исследования является, на наш взгляд, наиболее благоприятным, поскольку сама природа мотивированного слова непосредственным образом связана с языковым сознанием говорящих и позволяет выявить те «языковые средства, в которых запечатлевается всё то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития» [1, с.173].

При сопоставительно-мотивологическом исследовании картины мира, закреплённой в языке, важно выявить не только общие принципы отображения в языке предметов, образов, представлений, но и закономерности того или иного языка, обусловленные как самой структурной организацией, так и национально-культурным сознанием носителей. В настоящей статье представлен фрагмент сопоставительно-мотивологического исследования лексики природы (наименования птиц и растений) на материале славянских (русский, польский, болгарский) и тюркских (казахский, татарский) языков.

Сопоставительно-мотивологическое исследование ЯКМ проводится по двум направлениям: 1) исследуется восприятие человеком мира природы путем его антропоцентрической интерпретации; 2) исследуются способы членения (классификации) объективной действительности метаязыковым сознанием. Другими словами, автора интересуют вопросы: как человек представлен в лексике природы и какие фрагменты окружающего мира оказываются доминирующими для носителей того или иного языка?

Рассуждая об антропоморфности человеческого языка, Б.Норман заметил, что «человек воспринимает и осознает объективную действительность через призму своего “я”, а человечество в целом – через призму своего самосознания, в основе которого лежит опять-таки изначальный и наивный антропоцентризм» [5, с.10].

Антропометричность восприятия окружающего мира находит свое яркое воплощение в орнитологической и фитонимической мотивированной лексике. Суть антропометричности состоит в том, что выбор того или иного признака для наименования связан со «способностью человека соизмерять всё новое для него (в том числе и реально несоизмеримое) по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте» [1, с.182].

Показания метаязыкового сознания (МЯС) позволяют заметить, что при восприятии наименований птиц и растений индивид дефинирует значения, исходя из собственного опыта приобретенных знаний, в первую очередь, «примекая» их к самому себе (знаком ли он с той иной реальностью, какую значимость она имеет в его собственной жизни), описывает её в соизмеримости с собой, с человеком вообще, с обществом.

Особенностью лексики природы сопоставляемых языков является её антропометричность, т.е. в

мотивировочных признаках большинства наименований растений и птиц содержится непосредственное указание на внешние признаки человека, его действия, социальные функции, а также на атрибуты бытовой сферы деятельности человека, его жизненного уклада, несущие печать национально-культурного наследия. «Соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами» [там же, с.177] реализуется в сопоставительной мотивологии при помощи принципа антропометричности, наиболее отчетливо проявляющегося на уровне семантики образных лексических единиц. Мотивационно-сопоставительный анализ фито- и орнитолексик разных языков позволяет выявить многообразие образов, антропометричных по своей природе, и тем самым обнаружить общие и специфические особенности восприятия лексики флоры и фауны представителями разных лингвокультурных сообществ.

Представители всех народов достаточно трепетно и с большим вниманием относятся к миру флоры, ведь растения не только украшают землю, но они выполняют целительскую функцию, полезны и питательны, а в большинстве наименований растений запечатлен либо сам человек, либо то, что его окружает. Так, фитонимы русского языка в сознании его носителей часто связываются с предметами домашнего обихода: *ремнецветник* – «растение, длинные и плотные листья которого напоминают *ремень*», *наперстянка* – «растение, у которого головка похожа на *наперсток*», *мыльнянка* – «растение, сок которого напоминает *мыльную воду*», «это растение можно использовать вместо *мыла*», *манжетка* – «листья этого растения в виде *манжеты*», *иглица* – «стебель его острый и тонкий, как *игла*», *гвоздика* – «растение, стебель которого напоминает *гвоздь*», *зубянка* – «листья растения похожи на *зубы человека*» и т.д. (всего 35%). Высокая степень антропоморфизма лексики русского языка прослеживается в наименованиях растений, связанных с физическими признаками человека и его деятельностью (*многоножка*, *белоус*, *черноголовка*, *чистотел* и т.п.). В показаниях метаязыкового сознания носителей болгарского языка отражено отношение к растению как к живому (человекоподобному) существу, способному лениться (*ленивче* – «расте давно, като *лениво*», «предполагам, че много дълго, *лениво* време му се разтварят цветчетата», «като билка предизвиква отпуснатост, вялост, *леност*»), любить (*обичниче* – «цветчетата приличат на малки висящи сърчица, което е символ на *обич*»), обманывать (*лъжичина*), быть мудрым (*мъдрица* – «сигурно листата му изглеждат набръчкани и стари като *мъдри*», «многогодишно растение като *мъдри*»), злым (*злина*) (всего 30%). В восприятии носителей польского языка окраска растений чаще ассоциируется не напрямую с оттенком какого-либо цвета (голубой, желтый, белый), а через характерные цвета отдельных предметов, находящихся в окружении человека: *złocien* – «растение, по цвету напоминающее цвет

золота», *slonecznik* – «растение золотисто-жёлтого цвета, как *солнце*», *śnieżyszka* – «растение белого цвета, как *снег*» (38 %). В сознании носителей казахского языка мир растений и мир животных предстаёт как неразрывно связанное, единое целое, свидетельством этого служат следующие показания метаязыкового сознания: *итмұрын* – «растение, похожее на нос собаки», *касқыржидек* – «этой ягодой питаются волки», *торғайбас* – «растение, напоминающее голову воробья», *қоянбеде, түлкі-құйрық, кірпібас, аюбалдырған, қойбүлдірген, ешкіқоңырау* и под. В представлении носителей татарского языка отдельные части растения ассоциируются с частями тела человека: *сакалтамыр* (сакал - борода), *балтырған* (балтыр – голень), *күзлут* (күз - глаз), *бүре тырнагы* (тырнак - ноготь). Все эти примеры подтверждают мысль Е.А.Юриной, о том, что «свойство образности изначально присуще не самим фактам действительности, а их восприятию и интерпретации языковым сознанием» [6, с. 9].

В формировании национальной ЯКМ ведущая роль принадлежит метафоризации. Это убедительно показано при сопоставительно-моивологическом исследовании образных языковых единиц на уровне их внутренней формы. Доля лексических единиц с метафорической внутренней формой, отражающей образное восприятие и познание мира, в славянских и тюркских языках примерно одинаковая (рус. - 40%, болг. - 38%, польск. - 35%, каз. – 45%, татар. – 40%): рус. *ноготки* 'растение с мелкими желтыми лепестками, напоминающими ногти (человека)', *горюцвет* 'растение с яркими словно горящими цветами', *ежевика* 'ягодный кустарник с колючими, как иглы ежа, шипами'; болг. *алтънче* 'растение ярко-желтого цвета, как золотая монета', т.к. алтън – золотая монета, *стрелоллист* 'растение с острыми листьями, напоминающими стрелу', *шапиче* 'растение, соцветия к-рого напоминают шапку'; польск. *koniczyna* 'растение с четырьмя лепестками, как ноги коня', *racznik* 'растение, стебель которого, как > ручка', *kozibród* 'растение, похожее на козью бородку', *starzec* 'серого цвета растение, как бы старое'.

Интересен пример, отражающий особенности восприятия одного и того же растения носителями разных языков. Так, слово *костяника* в сознании носителя русского языка соотносится с 'косточка' («в ягодах есть косточки»). При осознании эквивалентного наименования *сумница* носители болгарского языка тоже обращают внимание на наличие косточек («в этой ягоде много косточек»), однако акцент ставят на их большом количестве (сума – много, масса), а носители польского актуализируют признак твердости косточек, сопоставляя его со свойством камня (*kamionka* - «ягода, у которой косточки твердые как камень»). Носители казахского языка акцентируют свое внимание не на физическом свойстве ягоды, а на её пригодности для овец (*қойбүлдірген* «қой жейтін өсімдік» (34) «травя, которой питаются овцы», «қой бүлдірген жерлер» (9) «место, которое испортили овцы», «қойға ұнайтын өсімдік шығар» (5) «наверное,

растение, которое нравится овцам»), носители татарского языка - на окраске листьев (*кызылбөрлегән* «чәчәе кызыл төстә булганга» / «потому что цветки красного цвета»).

Растения вообще, лекарственные растения в частности, играют огромную роль в повседневной жизни человека. «Фитонимическая лексика национально специфична, она связана с культурой народа и отражает особенности национального сознания» [7, с.4].

Преимущество образных единиц в выражении ЯКМ состоит в том, что «они, демонстрируя ассоциативный способ мышления, характеризуют обозначаемое через его сопоставление с другим денотатом, реальным или воображаемым, расширяя тем самым представление о связях и соотношениях концептов картины мира» [8, с.200].

Как справедливо замечает О.И. Блинова, «при исследовании национальной ЯКМ следует обращать внимание не только на своеобразие, но и на общность мировидения разных народов» [8, с.198]. В сознании носителей славянских языков названия биофактов чаще ассоциируются с предметами быта и орудиями труда: рус. *венечник, копеечник, борщевик, дудник, гвоздика, серпуха, кувшинка*; болг. *ралица, мече грозде* (меч - меч; грозде - виноград), *весларка* (весло), *лопатка, луличка* (лула – трубка); польск. *mieczyk* (miecz – меч), *strzałka* (strzala - стрела), *mietlica* (mietla - метла), *sierpiak* (sierp - серп), *gwoździak* (gwoźdź – гвоздь), *iglica* (igła – игла, иголка). Большинство мотивированных орнитонимов отражают антропоцентризм мировосприятия, поэтому концепты, выявленные в ходе анализа, связаны, в основном, с теми сферами жизнедеятельности человека, которые являются актуальными в ценностном отношении (рус. *галстучник*, болг. *свирец, калугерица*, польск. *zmiernik*). В сознании носителей польского языка внешний облик птиц чаще вызывает ассоциации с историческими реалиями общественной жизни.

При этом следует обратить внимание, что набор артефактов не совпадает в сопоставляемых языках. Обилие "культурно окрашенной" лексики, связанной с отражением национальных особенностей хозяйства и быта славян и тюрков, возможно, свидетельствует о закреплённом в национальном менталитете прагматическом отношении к окружающей живой природе. В результате сопоставительно-мотивологического исследования очерчиваются те специфические сферы национальной картины мира, которые наиболее широко представлены в названиях биологических объектов славянских и тюркских языков, а значит, являются наиболее значимыми для каждой языковой общности, демонстрируются существенные различия в "семантическом картировании" действительности каждым из языков и выявляются особенности отражения семантического континуума национальными картинами мира каждого из языков.

Выявление особенностей формирования национальной ЯКМ славян как отражения их миро-

воззрения и миропонимания на примере семантического континуума наименований птиц и растений в сопоставлении с аналогичными фрагментами ЯКМ народов-носителей тюркских языков позволяет представить систему универсальных и национально-специфических образов языкового сознания говорящих на разных языках людей. Изучение способов членения (классификации) национальным языковым сознанием семантического континуума наименований растений и птиц как фрагмента ЯКМ позволяет определить те понятийные сферы, которые привлекаются для обозначения птиц и растений в разных языках, а также выявить образы и понятия, закрепленные в их внутренней форме. В целом отмечается относительная однородность распределения наименований по семантическим зонам, однако каждый из сопоставляемых языков проявляет в этом отношении свои особенности.

Специфика орнитологической и фитонимической лексики сопоставляемых языков - наличие большого числа наименований, в той или иной степени отражающих представление о человеке, его физических признаках и деятельности, социальном статусе. Высокая степень антропоцентризма характеризует лексику всех сопоставляемых языков.

Примечательно, что по сравнению с носителями славянских языков представители казахской и татарской языковых культур чаще обращались к знаниям легенд и поверий: каз. *бақ-бақ* «*кезінде қазақ халқы «қара сиырым бақ-бақ...» дей отырып, осы гүлге үрлегенде, оның мамықтары жан-жаққа ұшатын, мүмкін сол себепті солай атанған шығар*» / «когда-то казахи дули на этот цветок, приговаривая: "Мою черную корову паси-паси...", а его пух разлетался во все стороны, может, поэтому так и назвали», *күнгелді* «*мүмкін, ерте кезде күннің келуін білдіретін өсімдік болған шығар*» / «возможно, в прежние времена это растение предвещало о появлении солнца, *қарлығаш* «*бұл құс - адамдардың досы. Бұл құс бұрын бір жас баланы жылан шағайын деп келе жатқанда, осы құс баланы құтқарады. Сол арада айдаһар қарлығаштың құйрығын айырып жібереді*» / «эта птица - друг

человека. Когда-то она спасла годовалого малыша от укуса змеи. А хвост ее двоится, потому что дракон хотел ее поймать» и др.

Все особенности, характеризующие явление мотивации слов в сопоставляемых языках, рассматриваются как результат комплексного взаимодействия основных факторов, формирующих национальную языковую специфику: культурно-социального опыта, национальной психологии, языковой традиции и языковой системы, индивидуального и коллективного языкового сознания.

Выявление национальных особенностей мотивационной рефлексии носителей славянских и тюркских языков, которые находятся под непосредственным влиянием внеязыковых факторов, определяющих национальную языковую специфику – совместного культурно-социального опыта и особенностей национальной психологии (менталитета) языкового коллектива - основная задача лингвокультурологического направления, изучающего язык в его отношении к культуре.

Знание о ЯКМ разных народов облегчает взаимопонимание и взаимопроникновение в духовные миры друг друга и способствует формированию толерантного языкового сознания.

1. *Телия В.Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. - М., 1988. – С. 172-184.

2. *Степанов Г.В.* Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. – С. 325-326.

3. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Научное издание. – Воронеж. Воронеж. гос. ун-т, 2002. – 314 с.

4. *Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. - М.: Академический проект, 2007. – 511 с.

5. *Норман Б.Ю.* Об антропоморфности человеческого языка // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. - Екатеринбург, 1995. - С.10-12.

6. *Юрина Е.А.* Образность как категория лексикологии: дисс. ... канд. филол. наук. - Томск, 1994. – 240 с.

7. *Панасенко Н.И.* Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики: автореф. ... докт. филол. наук. - М., 2000. – 24 с.

8. *Блинова О.И.* Языковые средства выражения языковой картины мира // Европейский интерлингвизм в зеркале литературы (картина мира в немецкоязычной поэзии): Материалы российско-германского семинара. - Томск, 2006. – С. 198-203.

Э. Жанысбекова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Современная лингвистика полностью изменила свой облик, перешла из разряда догуманизированных наук к разряду гуманизированных, или точнее антропологических. Этот научный факт объясняется отходом языкознания от статического, исключительно системно-структурного описания языковых единиц к описанию динамическому, одухотво-

ренному человеческим фактором. Кроме того, современные лингвисты, не ограничиваясь собственно языковым материалом активно, используют достижения смежных человековедческих наук: логики, психологии, философии, социологии, литературоведения и др., т.е. идет усиленная интеграция гуманитарных знаний. Представители одной из

новых синкретичных наук, когнитивной лингвистики, занимающиеся семантико-логическим анализом языка декларируют: «Всякая наука имеет свою логику развития, есть она и у науки логики. Разработав языки высокой степени обобщенности, логика вернулась к материалу естественных языков с их нерегулярным разнообразием... обозначившийся поворот логической мысли совпал с аналогичным периодом в развитии лингвистики, которая, достигнув высокой научной абстракции и сделав единственным объектом изучения язык (в сосюрсовском понимании этого термина), резко расширила круг своих исследований, включив в него все аспекты речевой деятельности и речевого взаимодействия»

Опорным понятием антропоцентрической лингвистики, наряду с понятием языковая личность, выступает понятие «текст». Как отмечает Е.И.Диброва: «Мысль Ж.Деррида: «Ничего нет, кроме текста» [Derrida,47] – феноменологический постулат речевого общения. Ибо все мы живем в вербализованных/невербализованных (музыка, живопись, архитектура и др.) текстах, которые означают тысячелетние человеческие знания. В каких бы формах не существовал текст (письменная, устная: монотекст, политекст: проза, поэзия и т.д.) он выступает как феномен кристаллизации деятельности, творчества культуры поколений, является тем резервуаром знаний, из которого последующие поколения приобретают будущее» (Диброва 1996: 130) [1,87]

Будучи объектом деятельности переводчика, текст, его сущность и особенности входят в круг проблем, интересующих науку о переводе. Понятие «текст» нередко сводят к произведению речи, зафиксированному на письме [4]. Произведением речи можно назвать и простой набор слов, если это соответствует авторскому замыслу [7,89]. Впрочем, такое мнение противоречит другим взглядам на сущность текста. Вот, например, точка зрения известного психолога Н.И.Жинкина: «Если в одном из предложений нет ответа на вопрос, поставленный в другом предложении, следует признать, что оба предложения не связаны друг с другом, т.е. они не составляют единого текста» [6,216]

Одним из заметных достижений современного языкознания является бурное развитие в течение последних десятилетий его новой отрасли – лингвистики текста. Эта новая лингвистическая дисциплина, объектом которой является связный текст – законченная последовательность высказываний, объединенных друг с другом смысловыми связями, поставила перед собой задачу выявить сущность этих связей и способы их осуществления, обнаружить систему грамматических категории текста с ее содержательными и формальными единицами, описать на материале текста сущность и организацию условий человеческой коммуникации [2, 112]

Из этого краткого перечня целей и задач нового направления становится ясной его близость к теории перевода.

Связь между лингвистикой текста и теорией перевода одним из первых отметил Ю.Найда. По его мнению, теория перевода должна учитывать некоторые общие признаки текстов, которые он назвал «универсалиями дискурса». К ним относятся: 1. различные способы маркирования начала и конца текста, 2. способы маркирования переходов между внутренними подразделениями связного текста, 3. темпоральные связи, 4. пространственные связи, 5. логические отношения (например, причина и следствие), 6. идентификация участников дискурса, 7. различные средства выделения тех или иных элементов для фокусирования на них внимания или для эмпазы и 8. сопричастность автора, т.е. его позиция и точка зрения.

Сопричастность автора может быть двух типов – автобиографическая (реальная или фиктивная), маркером, которая является местоимение 1-го лица, и оценочная, маркером которой являются оценочные лексические единицы (this was an ugly scene «Это была безобразная сцена»).

Характеризуя указанные черты как «универсалии дискурса», Ю.Найда в то же время отвечает, что в разных языках для их выражения используются далеко не одни и те же средства [4,132].

Таким образом, для перевода представляется важным, каким образом реализуются «универсалии дискурса» в контактирующих друг с другом в процессе перевода языках и какие из этого вытекают последствия для структурирования конечного текста.

Одной из проблем лингвистики текста, традиционно связанных с теорией перевода, является актуальное членение, или в другой терминологии, функциональная перспектива предложения. Плодотворной для теории перевода является, в частности, восходящая к Ф.Данешу идея тематической прогрессии, согласно которой темы цементируют текст, тогда как ремы служат для передачи новой информации.

Роли и месту функциональной перспективы предложения в перевод посвящена книга Л.А.Черняховской «Перевод и смысловая структура» [8, 128]. В ней рассматриваются некоторые особенности выражения функциональной перспективы предложения в английском языке в сопоставлении с русским и предлагаются модели преобразования речевых структур при переводе с русского языка на английский. К сожалению, рассматривая эти преобразования, Л.А.Черняховская, как правило, не выходит за рамки предложения и не касается текстообразующих функций коммуникативной структуры высказывания. С лингвистикой текста ее работа соприкасается вплотную лишь в главе, посвященной членению и объединению предложений внутри высказываний объемом более предложения.

Проблема текста – одна из центральных проблем теории перевода. Именно текст является предметом анализа на первом этапе перевода, связанном с интерпретацией оригинала, и именно текст является предметом синтеза не его заключительном этапе.